Б. Ивантер

ВЫСТРЕЛ

ЧУДЕСНЫЕ ВАРЕЖКИ

Подарок бабушки Маланьи

Остался еще один подарок.

Капитан брил правую щеку и, скосившись, смотрел на посылку. Кому же ее отдать? Аккуратный пакет был перевязан шнурком. И только на одной стороне холстины виднелась надпись химическим карандашом.

«Дорогой товарищ командир! — было написано на подарке. — Посылка эта особенно дорогая. Просим вас выдать ее самому, какой у вас найдется, смелому бойцу, чтобы она была ему на пользу.

СЕЛЬСОВЕТ «КРУТЫЕ БЕРЕЖКИ».

Иван Афанасьевич Петровых».

«Кому же отдать? — подумал еще раз капитан. — «Самому смелому»... Легко сказать!.. И Орлов ничего, и Хоменко — молодец, и Каладзе как будто бы тоже подходит...»

Но Муромцев казался капитану после последнего боя

наиболее достойным. И посылку получил сержант Муромцев.

Муромцев сидел у себя в землянке и чистил автомат, когда дверь открылась и старшина бросил посылку прямо ему на колени.

— Получай! — крикнул он. — От комбата!

Черт возьми! Это было очень приятно.

Сержант повертел посылочку в руках и вдруг увидел надпись.

— Ну, уж и самый смелый! — сказал он. — Небось все-таки не самый.

Однако это было лестно. Он даже не стал сразу вскрывать посылку, а просто держал ее в руках, разглядывая ее со всех сторон; затем ножом вспорол холстину.

В посылке оказались два полотенца, зубная щетка, флакон одеколона, два куска мыла, мешочек конфет, иголки, нитки, варежки или перчатки (в полутьме было не разобрать) и, конечно, кисет с табаком.

Муромцев свернул папироску, достал спички, закурил и подумал, что председатель, видно, хороший человек. Потом потрогал мыло, понюхал одеколон. Пахло хорошо. Муромцев вылил на руку несколько капель, потер щеки. Пора было посылочку убирать.

И тут ему попались под руку варежки. Он поднес их к свету. Варежки были старые и даже, можно сказать, худые.

Но подарок — все же подарок. Сержант хотел уж было положить их в мешок, как из одной варежки выпала бумажка.

Письмо! Муромцев обрадовался ему, пожалуй, больше, чем всей посылке.

Писем сержант ни от кого не получал, и писать было вроде некому. А хотелось бы получить письмо от какой-нибудь красивой девушки. Сержант развернул бумажку и прочел:

«Товарищ боец, варежки эти просила передать старушка Маланья Устиновна Чикарева самому смелому бойцу. «Наденет, сказала, сам увидит». У нас, правда, люди надевали, но результату никакого. Но как бабушка может вскорости помереть, то посылаем по ее просьбе. И как она неграмотная и сама написать не может, то передаем, что она также просит бить иродов беспощадно и посылает благословение.

С тем извините! Уважающий председатель Петровых».

Сержант засмеялся и повертел в руках варежки.

Он надел одну варежку, потом другую. И вдруг обе они исчезли. С ними вместе пропали и руки. Сержант посмотрел на ноги — ног не было. То есть они были. Он мог ими двигать, наступать на камень, на снег, на веточку, но ног не было видно. Может быть, в блиндаже было темно? Муромцев подвинулся к свету, но и на свету себя не увидел. Тогда он ощупал себя руками. Все было на месте: и шинель, и тело, и руки, и ноги, — но ничего не было видно...

Сержант протянул руку к двери, взялся за скобу — и дверь открылась как бы сама. Он вышел из землянки.

— Что за черт! — сказал Муромцев.— Ну и варежки!

Сержант стал невидим...

Что случилось дальше

— Ну, Вася, — сказал он себе, — а не хватил ли ты, друг, лишнего из фляжки?

Но тут же сержант вспомнил, что сегодня еще и не завтракал. Он ущипнул себя за руку. Нет, он не спал. Он дышал, двигался, говорил и вместе с тем был прозрачен. Он приложил руку к глазам и сквозь нее увидел деревья, небо, падавшие снежинки, протоптанную к

блиндажу тропинку и батальонную кошку Маруську, которая бегала за батальоном всюду, даже в атаку.

— Кис, кис, кис! — позвал он.

Маруська выгнула спину и обернулась не сразу, но, когда обернулась, Муромцев увидел ее удивленную морду.

— Кис, кис! — позвал он опять. — Иди сюда, дура...

Но кошка, сделав несколько шагов по направлению к нему, фыркнула, отскочила и, подняв хвост трубой, осторожно стала уходить.

Тогда он быстро стащил варежки и вдруг появился — весь как есть. Он стоял на тропинке и увидел всего себя: ноги в валенках, и руки, и всю свою небольшую, ловкую и крепкую фигуру. И кошка тоже увидела его, потому что подбежала и стала тереться об его ноги.

Муромцев осмотрел варежки, даже вывернул их. Ну положительно ничего в них особенного не было: ни кнопок, ни пружин. Он даже понюхал их, но они ничем не пахли. Шерсть как шерсть, деревенские варежки.

На тропинке вдали с двумя котелками показался Маимбет Махатов, командир отделения.

«Ну вот, сейчас проверю», — решил Муромцев.

Он надел варежки и стал ждать. Котелки были полные. Махатов торопился, потому что бежал по морозцу без шинели. Он шел прямо на Муромцева, как будто его и не видел. Сержант посторонился, но Махатов все-таки задел его и, как только что сделала это кошка, удивленно оглянулся. Он было растерялся. Он даже поставил один из котелков на снег, да так неловко, что тот чуть было не опрокинулся. Муромцев, который не любил, чтобы щи зря проливались на землю, невольно подхватил его, и котелок вдруг исчез.

— Что за штука! — пробормотал Маимбет. — Котелок на снег поставил — пропал! Шайтанский штука!

Маимбет был лучшим наблюдателем в батальоне.

Если уж он не видел сержанта и котелка — значит, бабушкины варежки и в самом деле невидимки.

Муромцеву вдруг стало смешно. Особенно смешно было глядеть на Маимбета Махатова. Сержант еле удержался, чтобы не расхохотаться, и, зажав рот рукой, только фыркнул. Маимбет попятился, и Муромцев со всех ног бросился в землянку, оставив Маимбета на тропинке с одним котелком. Осторожно, чтобы не расплескать, Муромцев поставил на стол котелок, и тот стал видимым, пар поднимался над щами.

Значит, вот еще каково свойство этих варежек. Он взял кружку со стола — она пропала; поставил — появилась. Он взял ложку — и та пропала.

Тут вошел в землянку Маимбет.

— Ай-яй-яй! — сказал он, увидев котелок со щами на столе. — Маимбет с ума сошел, совсем дурак стал, все забыл. Нехорошо, Маимбет! Сегодня суп принес — забыл когда, завтра винтовку забыл почистить, послезавтра совсем старик стал, зубы потерял, глаза потерял!

Маимбет был славный парень, только очень разговорчивый. Его недавно назначили командиром отделения, и, когда ему некого было поучать, он отчитывал и поучал самого себя.

Так он долго разговаривал сам с собой, но, однако, заметив, что суп стынет, стал искать сержанта; вышел из землянки, вернулся и принялся есть.

— Сам виноват, — сказал он, — холодный будет. Кушать надо. Ему половину оставлю.

Он присел к столу, нарезал хлеб и стал есть. Тут Муромцев и сам почувствовал голод. Оказывается, невидимость не мешала аппетиту. Он подсел к Маимбету и стал ему помогать. Маимбет и сам с увлечением работал ложкой и вдруг, выпучив глаза, увидел, что в котелке осталось только на донышке.

— Плохой ты человек, Маимбет, — сказал он, — не

товарищ! Чужое скушал. Совсем испортился, Маимбет! Доложу командиру роты — он тебе два наряда даст...

У него было очень огорченное лицо.

На Муромцева напало озорство. Он поднял оба котелка, потом поставил их на стол, потом опять поднял. Снял шапку с головы Маимбета и стал ее подбрасывать. Поднял стол — так, что он исчез и опять появился. Погладил Маимбета по голове, потянул за нос. У бедного Маимбета глаза выскочили на лоб, и он схватился за голову.

— Температура сорок пять! — сказал он с огорчением и страхом. — Маимбет заболел, с ума сошел, в санчасть ложился...

Он поднял свою шапку и, осторожно оглядываясь, боком пробрался к выходу, открыл дверь и побежал.

Сержант Муромцев почесал в затылке.

— Ну и дела! — сказал он. — Надо идти к комбату.

Разговор с капитаном

Сержант постучал в дверь блиндажа капитана Беркутова.

— Войдите, — сказал капитан.

Муромцев вошел. Капитан Беркутов сидел боком к двери и не видел, как она открывалась.

— Разрешите обратиться, товарищ капитан, — сказал сержант.

— Муромцев? — спросил капитан не оборачиваясь.— Ну что?

— Не знаю, как и доложить, товарищ капитан... — запинаясь, сказал Муромцев. — Дело в том, что... проще сказать... вид я потерял.

— То есть как это — вид потерял? — строго спросил капитан. — Этого я от вас не ожидал. Надо следить за

собой. И вместо того чтобы приходить ко мне докладывать, нужно просто привести себя в порядок: побриться, почиститься и принять тот вид, какой полагается младшему командиру. Идите и исполняйте!

— Разрешите, товарищ капитан, объяснить. Вид у меня есть, но вроде как бы исчез по причине варежек из посылки...

Муромцев был в отчаянии. Ну как объяснить такую непонятную вещь?

Капитан обернулся и, не видя Муромцева — тот так и забыл снять свои чудесные варежки, — удивленно сказал:

— Ушел?! Что с ним такое?

— Никак я не ушел, товарищ капитан, — произнес сержант.

Капитан протер глаза.

— Черт знает, как темно у нас в блиндаже! — сказал он. — Где вы?

— Здесь я, перед вами.

И тут капитан заметил, что голос идет из пустоты. Он протянул руку по направлению к нему и наткнулся на шинель сержанта.

— Что-то у меня с глазами, Муромцев, — взволновался капитан,— я вас не вижу.

Тут наконец Муромцев получил способность говорить и как мог объяснил комбату, что с ним случилось.

— А ну-ка, снимите варежки, — сказал капитан недоверчиво.

Муромцев снял варежки — и появился.

Капитан обошел его кругом, осмотрел и даже ощупал.

— Да, — сказал он, — история! Такого на свете не бывает. И вижу сам, а поверить этому не могу.

— И я не могу, товарищ капитан. И техники тут никакой нет — одна шерсть. Я бы так подумал, что это предрассудок, да ведь сами видите...

— Это не предрассудок, — усмехнувшись, сказал ка-

питан. — Это, Муромцев, мечта! Сказка! И не будем мы гадать, отчего да почему, будем действовать. Ладно?

— Ладно, товарищ капитан, — согласился Муромцев. — А как вы думаете, по начальству-то надо доложить?

Капитан засмеялся и покачал головой:

— В уставе не упоминается.

— Так разрешите, товарищ капитан, действовать.

— Действуйте, вот карта, — сказал капитан, подходя к столу.

Часа через полтора Муромцев в своем виде, с варежками в кармане, выходил из блиндажа комбата.

Уже стемнело, и первая звезда, большая и яркая, как маленькая луна, появилась в темно-синем небе.

Сержант произносит речь

Муромцев шел по знакомой тропинке, по какой он ходил обычно, отправляясь к гитлеровцам на разведку. Звезда осталась впереди и чуть левее. Она стояла над белым лесом, а тоненькие лучи ее, падая на снежные ветви, заставляли сверкать и светиться то одну, то другую снежинку из миллиардов, покрывших этот лес. Идти было хорошо. Снег поскрипывал под валенками, и морозный воздух был прозрачен до самых звезд. Муромцев дошел до чистого, белого озера. На том берегу был враг. Сержант вынул варежки и минуту помедлил. Что-то вдруг не захотелось ему расставаться даже на время со своим привычным видом. Не такой уж он был красавец, а все-таки кто ни посмотрит на эти крепкие плечи, на открытое лицо, скажет, что на парня можно положиться.

Но делать было нечего. Такое уж дело война: если нужно, и верблюдом станешь, не то что невидимкой.

Он надел варежки и вышел на озеро. Фашисты тре-

вожились, как всегда. Пускали ракеты. Снежная гладь рефлектором отражала их мерцающее сияние, и на озере становилось ослепительно светло. Муромцев хотел было по привычке свернуть туда, где потемнее, но, вспомнив, что он невидимка, плюнул и пошел на самый свет.

Как обычно, фашисты время от времени стреляли короткими очередями вслепую. Светящиеся пули то там, то здесь прошивали пространство над озером. Одна очередь легла почти у самых ног сержанта. Но к этому было не привыкать, и он продолжал свой путь.

Немецкие блиндажи были уже близко. Сержант подошел к самому окопу, где на краю его чернела фигура часового.

Муромцеву очень захотелось снять его ловким ударом приклада, но тут он вспомнил твердый приказ

командира: «Мелочами не отвлекаться». И Муромцев оставил гитлеровцу жизнь. Однако интересно было посмотреть поближе, что это за фашист такой. Муромцев подошел так близко к часовому, что слышал даже его хриплое, простуженное дыхание. При свете ракеты он разглядел и лицо, заросшее бородой, рваную шинель, замотанные полотенцем уши.

Сержанту вдруг вздумалось поговорить с фашистом. Но как это сделать? По-русски, подлец, не поймет, а по-немецки и сам сержант был не очень умудрен. Какие немецкие слова он знал? Гитлер, Геббельс, Геринг, еще два-три таких же ругательных слова. Речи из них не составишь.

И вдруг он вспомнил: капут! Очень хорошее слово. Оно и по-немецки многое означает — погибло, пропало,

кончено, безнадежно, в гроб, в могилу... Речь была готова.

— Гитлер капут, — дождавшись порыва ветра, сказал он шепотом в самое ухо фашиста.

Тот заморгал глазами и попятился.

— Капут Гитлеру, — сказал сержант уже погромче в другое ухо.

Фашист замотал перед собой рукой, как бы отмахиваясь.

— Не любишь, гадина? — сказал Муромцев по-русски и продолжал: — Гитлер капут, Геббельс капут, Геринг капут, Гиммлер капут, фашизм капут...

Это он говорил ему прямо в лицо. При свете ракеты видно было, как физиономия фашиста перекосилась, глаза расширились. Ему казалось, что сам ветер с востока кричит ему в лицо эти погибельные слова.

Сержант еще немного поговорил по-немецки в этом же духе. Тут он вдруг заметил на руке у фашиста овчинные рукавицы, которые тот, очевидно, отнял у какой-нибудь русской женщины.

— Рукавицы капут, — сказал он и, потянув за одну рукавицу, стащил ее с руки часового. Рукавица исчезла. — Ну, ну, давай! — сказал он.

Фашист сам протянул другую руку, и вторая рукавица пропала из глаз.

— Майн гот! — в ужасе прохрипел часовой.

— Эх ты, бандит! — сказал сержант, уже совсем не заботясь, понимает ли его гитлеровец. — Счастье твое, что комбат приказал не разменяться.

И все-таки душа не позволяла сержанту оставить фашиста безнаказанным. Разве разговором его проймешь! Между тем капитан запретил поднимать шум. Сержант подумал немножко и все-таки разок стукнул часового кулаком. Тот не понимал, откуда это. Тогда сержант стукнул легонько еще раз, и гитлеровец свалился на снег.

— Ганс капут, — сказал Муромцев, наклонившись к уху солдата.

Тот ничего не отвечал. Он действительно умер от страха. Тем и закончилась речь сержанта Муромцева.

Две собаки

Сержант двинулся дальше. Путь лежал еще далекий. Навстречу сержанту шли гитлеровцы — должно быть, на смену караула. Один из них был, по-видимому, офицер. Он вел на поводу собаку. Почуяв чужого, собака рванулась вперед.

Она вырвала поводок из руки офицера и кинулась к Муромцеву.

— Иси, иси, Рекс! — крикнул офицер и побежал догонять собаку.

Это была немецкая овчарка, сильная, злая, с великолепным чутьем. Она ткнулась с разбегу в шинель Муромцева, вцепилась в нее зубами. Однако все это происходило на ярком свету, и фашисты, конечно, не поняли, в чем дело. Они только видели собаку, которая, словно взбесившись, прыгала вокруг пустого места.

«Вот черт еще навязался!» — подумал сержант и ударил собаку прикладом автомата. Она взвизгнула, отпустила шинель, и в ту же минуту офицер поймал ее за поводок.

Офицер, не очень молодой, коротконогий, плотный, тяжело дышал, стоя в глубоком снегу. Собака рвалась с поводка. Он притянул ее к себе, ударил в бок и что-то пробормотал. Удар был короткий, точный и расчетливо злой.

«Спец!» — подумал сержант.

Он стоял к офицеру так близко, что слышал запах коньяка. И офицер тоже вдруг принюхался и, раздув ноздри, стал, точно собака, втягивать в себя воздух.

«Одеколон, — вспомнил сержант. — Кажется, только каплю вылил себе на виски, а как долго держится! Или нюх у него такой собачий?»

Двинуться с места Муромцев не мог. Он был невидим, но сохранял свою тяжесть и вовсе не собирался на виду у офицера оставлять следы на снегу.

Так они стояли друг против друга — две собаки и один человек.

Наконец офицер, словно нехотя, пошел обратно, еле вытаскивая ноги из глубокого снега, и увел за собой упиравшегося пса.

Сержант подождал, пока они ушли подальше, и, сверившись со своей звездой, пошел на запад, изредка поглядывая на снег, в котором появлялись один за другим следы невидимых валенок.

«Следы оставляю — по целине ходить бы не следовало», — подумал сержант и вышел на тропинку.

Так же поскрипывал под его подошвами снежок, такая же была кругом родная земля, как и на том берегу озера. Но он ходил по ней невидимый. Это было обидно и больно сердцу. Ему казалось, будто он ночью, в темноте, на цыпочках, ходит по родному дому, который внезапно захватила целая шайка разбойников и хозяйничает в нем. Родные ели, покрытые снегом, стояли строго и молча. Тихо, не шевеля тонкими, протянутыми к небу ветвями, стояли в инее березы. Они-то, уж наверно, видели, как по тропинке лесом и полянками ходил невидимый человек в шапке с красной звездой, с автоматом через плечо. Они видели и то, что у него было на сердце. Может быть, кому-нибудь и покажется странной такая проницательность у белых березок, но ведь это были родные его сердцу русские березки, а во всей этой истории, как уже условился сержант Муромцев с капитаном, есть много странного, фантастического и даже вовсе не объяснимого.

Он ходил по тропинке мимо немецких блиндажей и даже заглянул в один, в другой...

Осмотрев систему укреплений, сержант вышел на большак, на тот самый большак, который был ему нужен.

Здесь они с капитаном наметили первый отдых.

Где же все-таки отдыхать? Недалеко от дороги виднелся одинокий домик. Сержант обошел его кругом. Домик как будто был пуст.

Сержант вошел. На столе горела коптилка, стояла открытая банка консервов и бутылка коньяку, уже выпитая наполовину. В доме было тепло.

Сержант присел к столу, поел, выпил рюмку коньяку и залез на печку погреться.

Но не успел он расположиться, как услышал шум шагов на крыльце, лай собаки и разговор на чужом языке.

В доме у большака

Сержант правильно рассудил, что лучшая позиция для него — у лампы. В темноте он терял все преимущества невидимости. Он спрыгнул с печки и сел у стола.

Пока снаружи нащупывали щеколду, собака, повизгивая и лая, царапалась в дверь. Она первая проскользнула в открывшуюся щель и кинулась к столу. Это была та самая проклятая овчарка. Она не успела еще вцепиться зубами в ногу сержанта, как он схватил ее за ошейник и поднял от земли. Собака исчезла из глаз. Она было взвизгнула, но сержант другой рукой сжал ей челюсти, и она умолкла.

Гитлеровцы, вошедшие вслед за собакой в дом, не успели даже заметить, что произошло.

— Рекс! — позвал офицер.

Собака дернулась, и сержант чуть было не выпустил

ее из рук. Гитлеровцы стали искать собаку по всей избе. Они так тщательно осматривали и обыскивали комнату, что удивительно было, как они не наткнулись на сержанта, который стоял посреди комнаты со своей добычей. Надо сказать, что это было не так легко. Если кто-нибудь сомневается, тот может сам попробовать подержать на весу невидимую злую собаку, выдрессированную для охоты на людей.

В углу избы стоял офицер, которого сержант давеча встретил на дороге, и звал свою собаку. Теперь уж сержанту стало ясно, что он имеет дело не с обычным офицером полевых войск: это был майор войск СС, офицер-каратель со знаком мертвой головы.

Однако с собакой нужно было что-нибудь сделать. Проклятая тварь извивалась в руках и, того и гляди, могла задеть хвостом или лапами кого-нибудь из фашистов. Сержант стал пробираться к двери. Он благополучно открыл ее и вышел на улицу. Тут он разделался с собакой очень скоро: сжал ей горло, задушил и забросил подальше в сугроб.

Вернуться в дом было теперь нетрудно, хотя часовые и стояли чуть ли не у каждого окна и вокруг домика бродили солдаты, которых майор послал искать свою собаку. Но домик был окружен лесом, и фашисты, покричав и посвистев, не шли дальше опушки, боясь войти в густую лесную тьму.

А в доме сидел майор один у стола и рассматривал на свет рюмку с коньяком, прежде чем ее выпить.

Невидимый сержант сел напротив него на лавку.

Если бы сержант умел писать повести или рассказы, он, конечно, нашел бы способ точно определить, какое лицо было у этого майора. Но сержант не писал повестей, он был простой человек и, глядя на злодейское лицо фашиста, просто-напросто его ненавидел.

«Нет, — решил сержант, — он слишком легко отде-

лается, если я его сейчас пристрелю. Ты еще увидишь свою смерть, прежде чем помрешь!»

На столе лежали карты, книги, стопа чистой бумаги. Сержант взял красный карандаш и написал:

«Каюк тебе пришел, мерзавец!»

Перед тем как написать последнее слово, Муромцев, чтобы обратить внимание фашиста, постучал невидимым карандашом по столу. Майор как раз допил рюмку и, еще держа ее в руке, смотрел, как на чистой бумаге одна за другой появляются красные буквы.

Он даже не казался очень ошеломленным.

— «Каюк тебе пришел, мерзавец!» — медленно прочитал он вслух с немецким акцентом. — Каюк? — повторил он и, взяв со стола маленький словарик, стал искать в нем это, очевидно, непонятное для него слово.

Сержант заметил, как напрягались у него все мускулы, как шевелились ноздри, когда он смотрел в словарь.

«Опять одеколон», — успел только подумать сержант, когда фашист выхватил маузер и дал в его направлении несколько выстрелов.

Сумасшедшая машина

Пуля обожгла сержанту ухо. В первую секунду он инстинктивно хотел было стащить варежку, чтобы пальцами зажать ранку, но вовремя сдержался.

Майор между тем, выстрелив, прислушался, снова втянул в себя воздух и, неожиданно взмахнув перед собой рукой, чуть не задел сержанта по плечу. Тот неслышно отошел в угол, к печке. Майор же стал ходить по комнате и вдруг, словно невзначай, взмахивал то одной рукой, то другой. Потом он стал ловить невидимый запах, как ребята ловят мух, складывая ладони горстью.

Офицер увлекся. Он не заметил, как дверь отворилась

и в комнату вошел его денщик. Увидя странные движения майора, солдат остолбенел. Глядя со страхом то на майора, то на бутылку с коньяком, он, очевидно, подумал, что майор его допился до белой горячки и ловит чертиков по углам. Денщик что-то хотел сказать, но поперхнулся и только кашлянул.

Майор сразу остановился. Ему, видно, неприятно было, что денщик застал его врасплох. Черт знает, какая слава могла пойти про него! Но он только сказал:

— Что нужно, болван?

— Ауто, — запинаясь, сказал денщик. — Польшие Бетуки.

«Ага, — подумал сержант, — должно быть, подали машину в Большие Петухи. Это мне как раз по дороге. Ну, да майор всегда при мне останется!»

Машина действительно стояла у крыльца. Шофер возился у радиатора. Сержант поудобнее уселся на заднее сиденье и затих. Машина была сильная, хорошей марки. Муромцев кое-что понимал в этом деле. Майор подошел, сел рядом с шофером, и машина тронулась.

Путешествие было настолько спокойным, что, право же, сержант подумывал было даже немного вздремнуть. Однако засыпать ему никак нельзя было: товарищи говорили, что он во сне храпит. И хотя сам сержант всегда отрицал это, утверждая, что это очевидный поклеп на него, все же поостерегся засыпать в одной клетке с гиеной.

Машина скоро пришла в Большие Петухи и теперь шла по улице. Трудно было назвать улицей эту печальную дорогу, где по бокам стояли сожженные фашистами дома. Одни только трубы, возвышаясь над черным снегом, смотрели в холодное небо. Так вот, разоренной улицей, посреди пепелища, шла большая немецкая машина, в которой ехал никем не видимый, но видящий все сержант Василий Муромцев.

Машина остановилась у здания клуба. На дверях ви-

села немецкая вывеска. Толпа оборванных людей, мужчин и женщин с детьми, стояла перед деревянным зданием. Иные стояли на снегу прямо босиком.

— Гераус, — приказал майор шоферу, когда машина остановилась.

Шофер выскочил из машины в одну сторону, майор — в другую. И не успел сержант опомниться, как майор уж запер машину на ключ.

Майор поднялся на крыльцо, за ним потянулись подталкиваемые солдатами люди. А сержант Муромцев сидел в машине запертый, не имея возможности выйти. Заперты были все двери. А стекла были толстые, непроницаемые для пуль, и, как ни колотил в них сержант кулаком, они не разбивались.

«Ну и влип!» — подумал сержант.

Но нужно было все же принимать решение. Не сидеть же в этой бронированной клетке на колесах!

Ключи были у шофера. Сержант видел, как майор их ему передал. Муромцев быстро пересел на сиденье шофера, включил мотор, и машина тихо двинулась за шофером. Тот шел, не оглядываясь, прямо по дороге. Встречные солдаты даже не замечали, что машина идет сама собой. Шофер повернул за угол, сержант свернул за ним. Шофер повернул за дом, и машина — за ним, пока, наконец, не толкнула его в спину. Шофер обернулся и начал неистово креститься. Был он колбасник, баварец и набожный человек. Заодно перекрестил он и свою машину. Но она стояла на месте и не рассыпалась. Шофер отскочил. Машина двинулась за ним. Шофер спрятался за столб. Машина подошла к столбу и загудела.

Она гудела так настойчиво, что шофер, крестясь и что-то шепча, все-таки подошел к ней и открыл дверцу. И в тот же момент она умолкла, и кто-то невидимый толкнул его в грудь так, что он отлетел метра на два. Невидимый сержант поспешил к клубу.

Конец майора

Клуб уже не был похож на клуб. У дверей стояли немецкие часовые. В зале, на полу, валялись красные лоскуты изорванных лозунгов вперемешку с черепками и осколками.

Муромцев прошел мимо часовых и смело открыл последнюю дверь.

В комнате вокруг стола, склонившись над картой, стояли и сидели немецкие офицеры. Тихо закрыв за собой дверь, невидимый сержант внимательно огляделся. Майор был здесь, и, кроме него, еще шесть человек. Среди них маленький седой генерал и два полковника. На столе были разложены бумаги и карты.

«Штаб! Прибыл, значит, по месту назначения!» — подумал сержант.

Маленький седой генерал все время вздрагивал и дергал головой. Майор, отвернувшись от стола, уже несколько минут пристально смотрел на то место пола, где стоял сержант. Сержант опустил глаза и увидел, что с его невидимых валенок натекла лужа талого снега. Отделившись от валенок, струйки воды становились видимыми и растекались по чисто вымытому полу.

Внезапно майор вскочил и кинулся к двери. Сержант едва успел посторониться, и тот с размаху ударился о косяк. Все обернулись. Седой генерал вскочил со стула и затрясся еще сильнее. Полковник с толстыми складками на шее, похожий на бульдога, пролаял что-то очень сердито.

Майор пошарил руками по двери, потянул носом и неохотно вернулся к столу, продолжая оглядываться.

А сержант спокойно обошел вокруг стола и стал за стулом генерала. Сержант осторожно протянул вперед руку и потянул за угол большой конверт, лежавший на краю стола. Как только рука сержанта коснулась конверта, тот стал невидим и исчез, шурша по сукну стола.

Другие бумаги, лежавшие около, зашевелились как будто сами собой.

Похожий на бульдога полковник придержал рукой бумаги, а потом встал и затворил поплотнее форточку.

Посередине стола лежала большая карта с нарисованными на ней красными и синими стрелками.

И сержант понял, что он не только попал точно по назначению, в штаб фашистской части, но и попал как раз вовремя, когда в штабе составлялся план нового наступления.

Сержант неплохо умел разбираться в картах и, следя за спорами штабных и за направлением красных и синих стрелок, старался уяснить себе план предполагаемого наступления. Это ему удалось: он понял все.

«Теперь нужно действовать осмотрительно,— подумал сержант.— Только бы не испортить дела! Главное — не торопиться. Дать им кончить и потом аккуратненько доставить капитану Беркутову все их приказы. Хорошо бы карту с собой прихватить, да как бы не испугать бандитов!»

Так рассуждал сержант Муромцев, в то время как офицеры спорили над картой.

Он улучил минуту и снова потянул к себе какую-то бумагу, которая тут же исчезла из глаз. Но майор как раз подвинулся, переставил локти на столе и нечаянно прижал невидимый край бумаги. Сержант дернул ее к себе. Майор завертелся и стал беспорядочно шарить и бить по столу, потом обернулся и бросился в сторону Муромцева, растопырив руки. Одну минуту сержанту показалось, что майор видит его — так верно тот шел на едва уловимый шорох бумаги, которую сержант как раз опускал в свою полевую сумку. Муромцев замер, и майор остановился в одном шаге от него с растопыренными руками.

«Эта собака меня еще, чего доброго, поймает! — подумал сержант. — И слух у него и нюх не хуже, чем у овчарки».

Сержант стал тихонько отступать в сторону, бесшумно переставляя ноги в мягких валенках. Но майор, глядя прямо перед собой своими змеиными глазами, упорно продолжал ловить руками воздух и уже снова приближался к сержанту.

«Только бы он меня в угол не загнал!» — думал сержант, обходя вокруг стола.

Но все уже заметили странное поведение майора. Его стали звать. Похожий на бульдога полковник подошел к нему и решительно взял его за плечо в ту самую минуту, когда тот чуть не коснулся шинели сержанта. Он подвел сопротивляющегося майора к столу и почти насильно усадил рядом с собой. Другой офицер налил в стакан воды и протянул майору. Тот сердито оттолкнул стакан.

«Ну спасибо! Придержите-ка его еще немного!» — засмеялся Муромцев про себя и вдруг, перегнувшись через стол, ловким движением сдернул с генерала полевую сумку.

Невидимая сумка задела генерала по лицу.

Все вскочили. Поднялся невообразимый шум. Гитлеровцы кричали, не слушая друг друга, генерал сполз со стула на пол.

Майор выхватил револьвер и направил его в сторону сержанта. Но Муромцев опередил фашиста.

Раздался выстрел.

Падая, майор опрокинул два стула. Все бросились к нему, кроме генерала, который, закрыв руками голову, трясся, сидя на полу. Сержант Муромцев быстро сдернул со стола карту и все, что на нем еще лежало, и, перепрыгнув через стул, выскочил в дверь. Навстречу ему мчались часовые и охрана. Сержант толкнул в грудь одного, сшиб с ног другого и вихрем пронесся по лестнице, оставляя за собой запах от еще дымившегося после выстрела автомата.

Машина майора стояла у крыльца. Шофер спокойно

стоял, прислонившись к дверце. Одним ударом кулака Муромцев опрокинул шофера, вскочил в машину и, развернувшись, помчался прямо на восток. Позади послышалась беспорядочная стрельба.

Сержант снимает варежки

Задание капитана Беркутова было выполнено. Надо было возвращаться к своим.

Машина шла лесной дорогой. Приятно было мчаться на предельной скорости мимо отягченных снегом, притихших деревьев. По небу иногда пробегал луч прожектора или падала звездой ракета. Шум машины заглушил отдаленную стрельбу, и поэтому казалось, что в лесу стоит та особенная, зимняя тишина, когда ветви деревьев, заваленные тяжелым снегом, не в силах пошевелиться.

Сержант даже размечтался немного. Однако ехать дальше было опасно. Гитлеровцы могли опомниться, послать погоню за своей пропавшей машиной и предупредить свои посты. Если бы машину обстреляли, каждая пуля, направленная в шоферскую кабинку, могла убить хотя и невидимого, но вполне смертного сержанта.

Муромцев выбрал удобное место, замедлил ход, осторожно спустил машину с дороги в овражек, подрулил к кустам и поставил ее так, чтобы ее не видно было с дороги. Потом он сверился с картой и компасом, спрыгнул в снег и тихо пошел по лесу. Оставалась самая легкая часть задачи: незаметно перейти линию фронта.

Но тут-то сержанту не повезло.

Луна зашла за тучу. Сержант с трудом ориентировался в темноте, но, главное, он терял чудесное свое преимущество, так как ночью снайперы стреляют по слуху — на скрип шагов или треск сучка.

Кроме того, сержант скоро заметил, что сбился с пу-

ти. Он уже должен был, казалось ему, подходить к переднему краю обороны. Но вокруг был тот же частый лес, и сержант, пробираясь в темноте без дороги, все время тонул в сугробах. С высоких ветвей на плечи ему падали тяжелые комья снега и, тая, затекали за воротник. Он уже выбился из сил, а лесу, казалось, и конца не будет. Наконец Муромцев остановился, положил на снег свой компас и карту и рискнул осветить ее карманным фонариком.

Треск и вспышки выстрелов всполошили лес. Несколько пуль просвистело возле самой головы сержанта. Он не успел даже взглянуть на карту. Где-то близко над его головой сидел на дереве фашистский снайпер, и, может быть, даже не один. Сержант потушил фонарь и замер. Теперь, в темноте, чудесные варежки ничем не могли ему помочь. Фашисты не видели его, но, очевидно, хорошо угадывали по шороху шагов.

Двигаться было нельзя. Сержант старался даже не дышать, так как стреляли где-то совсем близко, с соседнего дерева. Муромцев долго стоял не шевелясь.

«Не стоять же так, в самом деле, до утра! — подумал сержант. — Это похуже майора!»

Положение казалось безнадежным, а впереди предстояла еще долгая ночь.

Где-то над головой сержанта хрустнул сучок, а дальше, в глубине леса, послышался шум. Муромцев понял, что окружен невидимыми стрелками и что они стерегут его и не выпустят из лесу живым. На этот раз все преимущества были на стороне врага.

Одного только не мог понять сержант: как это гитлеровцы в него не попали, когда он зажег фонарь? Он уже совсем было решил, что фашисты просто не умеют стрелять. Он даже, осмелев, немного переставил застывшую ногу. Но тотчас же защелкали выстрелы. Одна пуля пробила носок валенка, не задев ноги (валенок, к счастью,

был очень просторный). Нет, фашисты хорошо умели стрелять даже в темноте. И тут только сержант внезапно догадался, что свет фонаря не выдал его, а спас ему жизнь. Снайперы били мимо, потому что никого не увидели в луче света на том месте, где стоял сержант.

Решение было принято мгновенно.

«Проскочу!» — решил Муромцев.

Он зажег фонарик и бросился вперед. Расчет оказался верен: фашисты подняли беспорядочную стрельбу, но ни одна пуля не тронула сержанта. Фрицы были сбиты с толку: они видели свет, но не видели руки, которая его держала. Свет плыл по лесу без посторонней помощи, освещая вокруг только стволы деревьев.

Так сержант благополучно проскочил опасное место и скоро вышел на опушку леса. В это время из-за туч глянула луна, и он уже смело пошел по тропинке прямо к немецким блиндажам. На этот раз сержант не стал заглядывать внутрь: он торопился. Впереди уже показалась в лунном свете чистая снежная гладь знакомого озера.

«Вот я и дома!» — подумал Муромцев.

И родной блиндаж представился ему действительно теплым и милым сердцу домом.

Сержант потрогал рукой полевую сумку, полную немецких припасов, и другую, которую он стянул у генерала. Все было на месте.

Еще последний немецкий окоп, несколько кустиков и... там уже свои. Но вдруг сержант споткнулся, загремел автоматом, выругался нечаянно вслух, и в ту же минуту пулеметная очередь прострочила снег возле самых его ног. Сержант едва успел упасть. Тучка скрыла луну, и фашисты из последнего окопа остервенело били по тому бугорку, за которым залег сержант. Падая, он снова нашумел, и теперь в темноте они целились наверняка.

— Нет, нет, так дешево я им не дамся! — прошептал сержант Муромцев, прилаживая автомат. — Уж если погибать, так я их прежде хорошенько пощелкаю!

Автомат дал несколько выстрелов и замолчал. Сержант с досадой дернул затвор — ничего. А гитлеровцы всё строчили, и Муромцев чувствовал, что никогда еще он не был так близок к гибели. Он снова дернул затвор, стал поправлять диск, но варежки мешали.

Тогда сержант сбросил свои волшебные варежки, и автомат вдруг снова заговорил.

Тучка ушла, стало светло как днем. Но сержант так и не подумал о своих чудесных варежках. Чудеснее, чем они, казался ему бой, который он вел один здесь в снегу со смертельным врагом, разя его метким огнем из своего автомата. И сержант Муромцев вдруг поднялся из-за своего бугорка, видимый и грозный для врага. Увидев русского бойца с автоматом, фашисты в панике полезли из своего окопа; бросая оружие, они пустились наутек.

А сержант все стрелял и стрелял им вдогонку. И когда он кончил, поблизости не было ни одного живого фашиста: те, которых пощадила пуля, уже скрылись в лесу.

Тогда сержант спокойно поднял свои варежки, сунул их в карман и легким шагом пошел напрямик через озеро домой.